

УДК 821.161.1

Н.А. Гриднева

Самарский государственный технический университет

К ПРОБЛЕМЕ ЛИРИЗМА В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»

Статья посвящена изучению различных проявлений лирического начала в романе М. Шишкина «Письмовник». Лиризм рассматривается как глубинный принцип организации художественного материала, реализующийся в самой манере повествования, развитии сюжета и символике романа.

Михаил Шишкин, современный русский роман, лиризм, лиризация, лирический дискурс.

Неомодернистская эстетика обоснованно является одним из наиболее широко обсуждаемых аспектов творчества Михаила Шишкина. В частности, исследователи пишут о его «идеологической принадлежности к модернизму» и ностальгии по «метарассказам» [1, с. 120], о поиске «положительного смысла» и попытке «восстановления аксиологической вертикали в условиях повсеместного распада привычных хронологических характеристик бытия» [16, с. 239], о стремлении к универсализации [7, с. 49], о реализации модернистского мифа о писателе, ищущем спасения в языке [6], и т.д.

Среди прочих аспектов творчества М. Шишкина, отсылающих нас к стилистике и проблематике модернизма, стоит, вероятно, выделить и явственно звучащие в последнем романе писателя лирические интонации. Напомним, что расцвет лирической прозы приходится именно на эпоху модернизма, что связано, в частности, с неприятием модернистами сугубо рационалистической, научно-эмпирической модели мира их предшественников-реалистов. Если для реализма с его мировидением ключевым становится фиктивно-нарративный принцип, подразумевающий миметическое изображение явлений, психологическое правдоподобие, событийность сюжета, адекватность человека и его способность изменять мир, то модернизм обращается к мифу и, соответственно, к лирике, сохранившей с мифом самую живую, непосредственную связь [23].

Надо сказать, что проблема лиризма у М. Шишкина, и в частности в его романе «Письмовник», не привлекла пристального внимания исследователей. Как правило, она затрагивается лишь вскользь. Так, например, М. Липовецкий, называя М. Шишкина «мастером монументальных центонов», говорит о разработке им «относительно новой формы романа, объединенного сплетением нескольких разномасштабных нарративных пластов» – в том числе лирических [10, с. 35–36]; А. Скотницка отмечает типичное именно для лирики отсутствие дистанции между читателем и героем в «Письмовнике» [15, с. 82];

М. Абашева и С. Лашова описывают роман как «по структуре своей почти лирический текст» [2, с. 234]; И. Шульцки [24] и Т. Прохорова [13] при анализе творчества писателя обращаются к концепции транс-сентиментализма М. Эпштейна (напомним, под транс-сентиментальностью и прочими возродившимися под знаком транс «банальностями» (в частности, транслиризмом) М. Эпштейн понимает «проекцию лирической потребности», которая в отказавшемся от наивных и субъективистских стратегий постмодернизме «перешагнула через свое отрицание» [25, с. 300]). Отдельно следует упомянуть лишь интересную статью К. Воротынцевой «Лирический дискурс в романе М.П. Шишкина “Письмовник”», где в центре внимания оказывается комплекс развиваемых в романе типичных для лирики мотивов – мотивы редукции, обновления, тождества, расставания, ожидания, постоянства любви, неразрывной связи и др. [3].

В рамках данной статьи мы хотели бы рассмотреть проблему лиризма в романе М. Шишкина «Письмовник» не на мотивном, но, скорее, на структурном уровне – как принцип организации художественного материала.

Итак, лиризация подразумевает, прежде всего, представление бытия преломленным сквозь призму субъективного восприятия героя. «Чувство и рефлексия, – пишет Г.В.Ф. Гегель о лирике, – вовлекают внутрь себя наличный мир, переживают его в своей внутренней стихии и уже только после того, как этот мир стал чем-то внутренним, выражают его, находя для него слова» [4, с. 514]. Исходным пунктом лирического изображения человека и мира оказывается сознание героя, которое обретает непререкаемую уверенность, необъектность, самостоятельность и фактически становится на позиции автора, как бы самой объективной реальности, не требующей доказательств. Личность героя оказывается вписанной в саму структуру повествования, все служит здесь ее знаком, обнаруживает ее во всей ее субъективности и индивидуальности. Предметный ряд расчленяется и деформируется, превращаясь в строительный матери-

ал для создания образа внутреннего мира героя, т.е. аутентичное изображение внутреннего мира достигается через изображение преломленного в нем мира внешнего.

В «Письмовнике» это проявляется, в частности, в самой манере повествования, воспроизводящей логику импульсивного восприятия и переживания, когда хронологическая последовательность, упорядоченность, причинно-следственная связь часто нарушаются и факты излагаются «не по важности происшедшего, а по тому, что первым в голову приходит» [22, с. 162]. Частотными оказываются резкие переходы от одного к другому, короткие, рубленные предложения, фиксирующие отдельные выхватываемые из окружающей действительности детали, мимолетные ощущения, впечатления, воспоминания, «озарения» и т.п.:

«В ноге – муравейник. Затекла.

С утра прошли два дождя и студент.

Стекланность, оловянная, деревянная» [22, с. 174].

Ощутимо ослабленные смысловые связки между отдельными фразами, нарочитые фрагментарность, прерывистость, непоследовательность рассказа обнаруживают интересное созвучие с излюбленным методом работы самого писателя. В одном из интервью М. Шишкин признается: «Я пишу следующим образом – собираю фразы, слова. Они могут прийти откуда угодно. ...Потом, когда появляется текст, я бесконечное количество раз просматриваю все мои файлы, все мои сокровища. И оттуда начинаю набирать все эти фразы. И они начинают сцепляться друг с другом. Это могут быть фразы совершенно из разных миров. Они сцепляются, какая-то новая энергия появляется» [21]. Как замечает С. Оробий, эта шишкинская тактика «собираения слов» ближе не прозе, а поэзии, где «разное с языковой (лексической, грамматической и т.п.) точки зрения оказывается одинаковым в метрико-ритмическом отношении», т.е. переход от одной единицы к другой нейтрализуется их относительно равноправным включением в единую метрико-ритмическую схему [12, с. 148–149]. А. Леденев, называя писателя продолжателем «общей для XX века тенденции поэтизации прозы», также обращает внимание на то, что известная читательская привычка воспринимать текст в связной последовательности причин и следствий в случае с М. Шишкиным оказывается по большей части бесполезной, поскольку «на поверхности нарратива взаимодействуют не “характеры”, а слова, краски и звуки, из которых постепенно вырастают “образы сознания” и проступают “рельефы души”» [9, с. 132].

Свойственная речи героев «Письмовника» разорванность, бессвязность есть проявление принципиальной анаративности лирического дискурса, на более глубоком уровне отражающейся в атемпоральной структуре романа. Это свойство унаследовано лирикой от породившего ее магического дискурса. «Вербальная магия, – пишет Г. Фридрих, – не запрещает ради эффекта околдования разбить, распылить мир на фрагменты. Темнота, инкогерентность становятся предпосылками лирической суггестии» [19]. Магический дискурс, будучи прародителем лирики, определяет также ее перформативную природу, которая ба-

зируется на древних представлениях об онтологических возможностях слова – творящего и претворяющего. Таким образом, приближенная к лирической структура текста оказывается максимально продуктивной для реализации ключевой модернистской стратегии М. Шишкина, которую многие исследователи определяют именно как утверждение перформативной функции языка, как «воскрешение вечных Смыслов перформативным актом собственного слова» [1, с. 120].

Погруженность героев в свои переживания придает их речи характер автокоммуникации. Как замечено во многих работах, диалог в романе лишь симулируется. Так, Б. Ланин пишет, что герои М. Шишкина «раскрываются монологически, через выговаривание» и что «Письмовник» являет собой «переплетение двух напряженных монологов, не рассчитанных на понимание собеседника и даже не подразумевающих существование такого собеседника» [8, с. 110]. Данный факт может быть, опять же, объяснен как проявление лирического начала. Так, В. Тюпа сравнивает лирическое слово со словом дневника, говорит о его близости к структурам недискурсивной внутренней речи [18, с. 13]. На отсутствие коммуникативности в структуре лирики обращает внимание и Т. Сильман, обосновывая эту тенденцию самой спецификой лирического жанра, которая противоречит идее высказывания-сообщения. «Лирическое стихотворение, – пишет она, – есть, прежде всего, разговор героя с самим собой» [14, с. 178].

Это в свою очередь определяет и специфику лирического сюжета, который, в отличие от эпического повествования, развивающегося «по горизонтали», от события к событию, движется вглубь, «на дно», от внешнего к внутреннему, кружит вокруг одной мысли, одного вопроса – пока не придет решение, важное в аспекте данной конкретной, личной ситуации. Опираясь на эту мысль Т. Сильман, Н. Тмарченко предлагает следующую модель лирического сюжета: «исходная ситуация – внутренний разлад – обретение цельности, т.е. разрушение-восстановление Я» [17, с. 351].

Подобные черты угадываются и в сюжетной организации романа «Письмовник». В своих письмах герои вновь и вновь обращаются к одним и тем же темам, так что события, врывающиеся в их жизнь, оказываются лишь материалом для более глубокого осмысления феноменов смерти, времени, спасения в слове. Примечательно, что в заданных изначально обстоятельствах смерть воспринимается обоими как исключительно деструктивное, разрушительное начало, вызывает неприятие, сопротивление, но после осмысливается как «бесценный дар» и возвращает героям гармонию и внутренний покой. Ожидаемая в финале встреча, долгожданное воссоединение трактуются именно как обретение каждым из них своего истинного Я, утерянного в разлуке с любимым:

«Иногда я не бываю самим собою, родная моя, и ты мне нужна, чтобы снова найти себя, обрести, восстановиться» [22, с. 328].

«Ты мне очень нужен, потому что только с тобой я – настоящая» (Там же, с. 348).

В контексте изучения проблемы лиризации обращают на себя внимание и некоторые шишкинские

символы. Предельная субъективность лирического жанра во многом определяет и специфику типичной для него символики. Чаще всего мы имеем дело с очень конкретными предметами и событиями, которые, преломляясь в равнодушном восприятии героя, наполняются его ценностными субъективными переживаниями, раскрывают его психическое состояние, окрашиваются его индивидуальным опытом и, в итоге, концентрируют в себе некие личностные смыслы, т.е. механизмом символизации, что характерно для лирической прозы [11], оказывается сам интенциональный акт.

Особенно типично для лирики наделение символическими смыслами вещей, максимально незначительных в объективном, практическом отношении. Примечательно, что немецкий исследователь Г. Курц объясняет природу символизации, как раз выделяя прагматическое и символическое понимание. Второе как бы подключается к первому, когда мы, предчувствуя за образом особую значимость, не можем объяснить ее чисто прагматическими соображениями [26, с. 78–79]. Таким образом, можно предположить, что практическая незначительность, случайность вещи позволяет максимально рельефно, выпукло проявиться заложенному в ней символическому (личностному) смыслу. Очень показательной в этом плане является фраза попа Ивана в самом финале романа, когда он помогает собираться герою на встречу с возлюбленной. Велев Володе взять с собой «все важное» и услышав от героя, что у него, мол, «ничего нет», он в недоумении произносит: «Ты забыл, что ли? Сам же говорил, что понял: ненужное – самое необходимое» [22, с. 379]. И вот герой бережно забирает с собой план парохода в разрезе с пририсованным матросом на якорь, треск прутика по решетке, стрекот кузнечиков – «будто кто-то заводит часики», грохот далекого трамвая на стрелках, колючки репейника, которые он «бросал ей в волосы. Потом сам их вытягивал, а они цеплялись», сладкий дух из кондитерской, «лист гербария, на котором написано старательным детским почерком: Подорожник, *Plantago*», «мамино кольцо, которое еще только кружится по подоконнику, подпрыгивая прозрачным золотым шариком, тренькая», «то, как один человек когда-то протирал очки галстук», и «обрывок газеты, приставший к порезу от бритвы» (Там же, с. 379–380).

Все эти, как называет их однажды сам герой, «кусочки жизни» (Там же, с. 263), имея очень личный характер («ведь у каждого такого обрывка [газеты] есть свой, не похожий ни на кого человек» (Там же, с. 380)), все же никак не лишают частную историю Саши и Володи некоего глобального, общечеловеческого измерения. На эту особенность «Письмовника» обращают внимание многие исследователи [5, с. 284–285]; собственно, и сам М. Шишкин, интерпретируя роман, сводит его к универсальным, архетипическим началам: «Построен он [роман] очень традиционно. Что может быть более традиционное, чем переписка? Он и она – два голоса» [20].

Заметим, такая логика во многом определяет специфику именно лирики, которая, будучи предельно субъективной, парадоксальным образом устремлена к изображению частного как всеобщего. При всей бы-

товой конкретности изображаемого опыта, он лишается здесь привязки к действующему лицу, «развешивается», выводится за границы между индивидуальным и коллективным, Я и Другим. «Более всего, – пишет Т. Сильман, – лирическое стихотворение напоминает то, что в грамматике называется парадигмой» [14, с. 178]: каждый частный случай индивидуального переживания превращается в парадигму переживания для любого другого человека. Учитывая одно из значений слова «письмовник» (сборник прописей, образцов для обучения искусству переписки), можно сказать, что письма героев романа – это своего рода лекала человеческой жизни как таковой с типичной для нее широкой гаммой эмоций и чувств.

Итак, как видим, лирическое начало в значительной степени определяет структуру романа «Письмовник». Завершение образа героя и образа мира происходит с точки зрения самого героя. Письма в большей степени имеют характер откровения, лежащего в основе любого перформативного (в том числе лирического) высказывания, напоминают разговор пишущего с самим собой, исполненный ключевыми для лирического дискурса озарениями, домыслами, догадками. Носителями емкого лирического заряда оказываются предельно конкретные предметы и события – мало-важные с объективной точки зрения, но исключительно значимые для героя и таким образом раскрывающие некие глубинные, личностные его смыслы.

Литература

1. Абашева, М. Функции первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина / М. Абашева // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 113–122.
2. Абашева, М. Стратегии и тактики Михаила Шишкина (к вопросу о художественном методе) / М. Абашева, С. Лашова // Polilog. Studia Neofilologiczne. – 2012. – № 2. – С. 233–241.
3. Воротынцева, К. А. Лирический дискурс в романе М. П. Шишкина «Письмовник» / К. А. Воротынцева // Narratorium. – 2012. – № 1 (3). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2626150> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.
4. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика : в 4 томах / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Искусство, 1968–1973. – Т. 3. – 1969. – 621 с.
5. Гриднева, Н. А. Творчество М. Шишкина в зеркале критики: постмодернистская эстетика и поиск нового языка / Н. А. Гриднева // Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм»: коллективная монография / научные редакторы: Т. В. Журчева, И. В. Саморукова, К. А. Сундукова, Л. Г. Тютелова. – Самара : Слово, 2021. – С. 279–288.
6. Котелевская, В. Больше чем Вальзер: коллизии модернистского метанарратива в поэтологии Михаила Шишкина / В. Котелевская // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 3 (163). – С. 234–247.
7. Кротова, Д. В. Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник» / Д. В. Кротова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 43–51.
8. Ланин, Б. Антибахтинский роман Михаила Шишкина / Б. Ланин // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под

редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 103–112.

9. Леденев, А. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина / А. Леденев // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин: коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 131–146.

10. Липовецкий, М. Центон Шишкина: империя, насилие, язык / М. Липовецкий // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 35–48.

11. Озерова, Е. Г. Интенциональность поэтической прозы / В. Г. Озерова // European Social Science Journal. – 2011. – № 4 (7). – С. 59–66.

12. Орбий, С. П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы / С. П. Орбий. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2011. – 161 с.

13. Прохорова, Т. Г. «Новая сентиментальность» в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор» / Т. Г. Прохорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 59. – С. 216–232.

14. Сильман, Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. – 223 с.

15. Скотницка, А. Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина / А. Скотницка // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 65–88.

16. Солдаткина, Я. Итальянские мотивы в романах Михаила Шишкина «Венерин волос» и Евгения Водолазкина «Лавр» / Я. Солдаткина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 239–248.

17. Тамарченко, Н. Д. Теория литературы : в 2 томах / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под редак-

цией Н. Д. Тамарченко. Том 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – Москва : Академия, 2008. – 509 с.

18. Тюпа, В. И. Генеалогия лирических жанров / В. И. Тюпа // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 8–31.

19. Фридрих, Г. Структура современной лирики. От Бодлера до середины двадцатого столетия / Г. Фридрих. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/fridrih-struktura-liriki/novalis-o-buduschej-poezii.htm> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.

20. Шишкин, М. Написать свою Анну Каренину... : интервью / М. Шишкин. – URL: <https://afisha-il.livejournal.com/2096939.html> (дата обращения: 26.09.2022) – Текст : электронный.

21. Шишкин, М. Писатель должен ощутить всеислие : интервью / М. Шишкин. – URL: <https://kontrakty.ua/article/37875+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.

22. Шишкин, М. П. Письмовник : роман / М. П. Шишкин. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 416 с.

23. Шмид, В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / В. Шмид. – Санкт-Петербург : Инапресс, 1998. – URL: https://royallib.com/read/shmid_volf/proza_kak_poeziya_pushkin_dostoevskiy_chehov_avangard.html#1174144 (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.

24. Шульцки, И. По следам Байрона и Толстого: скрипторика и субъект письма в прозе Михаила Шишкина / И. Шульцки // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 317–334.

25. Эпштейн, М. Н. Постмодернизм в России / М. Н. Эпштейн. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2019. – 606 с.

26. Kurz, G. Metapher, Allegorie, Symbol / G. Kurz. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2009. – 112 S.

N.A. Gridneva

ON THE ISSUE OF LYRICISM IN MIKHAIL SHISHKIN'S NOVEL «THE LIGHT AND THE DARK»

The article deals with the analysis of different aspects of lyrical discourse in M. Shishkin's novel «The Light and the Dark». Lyricism is considered as an underlying artistic principle defining the style of narration, the development of action, as well as the kind of symbols in the novel.

Mikhail Shishkin, modern Russian novel, lyricism, lyrical prose, lyrical discourse.